

Утверждение нового финансового порядка в глобальной хозяйственной системе

Ключников О.И.

okey003@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
низкотемпературных и пищевых технологий

В статье проведен сравнительный анализ двух крупнейших кризисов, что позволило вывести ряд закономерностей циклического развития, среди которых ведущей является смена экономического курса мировой экономики.

Ключевые слова: финансовый кризис, финансовая система, глобализация, финансовый капитал, экономическая теория

The establishment of the new financial order in the global economic system

Klyuchnikov O.I.

okey003@mail.ru

Saint Petersburg state university of low temperature and food technologies

In the article is conducted the comparative analysis of two largest crises, that allowed to display of patterns of cyclic development, among which the lead is to change economic course of the world economy.

Keywords: financial crisis, financial system, globalization, financial capital, economic theory.

Современный финансовый кризис неожиданно вторгся в повседневную жизнь и стал определять не только хозяйство, но и социально-культурное и политическое устройство всей цивилизации. В хозяйстве, под воздействием падения производства и спроса, взрыва накопленных противоречий, нарушения сложившихся пропорций, проявились тенденции, направленные на смену курса. В социально-культурной сфере кризис подготовил почву для перестройки образа жизни, трансформации сознания и поведения людей. В политике изменились подходы к рынку и государственному регулированию, наметились подвижки в экономическом и политическом устройстве общества. В международной сфере кризис привел к координации антикризисных мероприятий. В истории хозяйства – определил переход к новому этапу развития (однако его полная оценка возможна лишь в ретроспективе и станет уделом будущих поколений) [1]. В ходе кризиса мир вошел в фазу, когда на смену привычного приходит новое, происходит

перестройка всего общественного порядка. Перенос национальных финансовых интересов на глобальный уровень, внедрение кредита в глубины быта и распространение его в социально-культурной среде выдвигает целый ряд вопросов, среди которых ключевыми являются следующие: сколько глобальных переходов и уровней имеет финансовая сфера? Каким образом и когда происходит ее отрыв от материальной среды? Каково место и роль кредита в экономическом росте? Как это часто бывает, количественные показатели развития кредита и ценных бумаг маскируют их качественный скачок, переход в новое состояние. Привычный, традиционно-местный финансовый рынок перерос в глобальный, всеобщий и универсальный рынок. При этом сохранились государственные регуляторы и принципы самоорганизации, соответствующие прежнему состоянию развития.

Мировой финансовый кризис не может быть привязан к какой-либо одной сфере или стране. Он стал достоянием, хотя и отрицательным, всего человечества, свидетельством и непосредственным результатом глобализации хозяйства и следствием сбоя во всеобщих ощущениях риска и доверия. Достаточно популярны позиции, согласно которым кризис несет очищающий заряд и тогда его нередко преподносят как благо. Однако для абсолютного большинства, кто с ним сталкивается кризис – трагедия. Абсолютное меньшинство греет руки на кризисе. В целом он выступает не столько экономическим, сколько политэкономическим, социальным, культурным и нравственным феноменом человечества. Для его осмысления необходимо воспользоваться философско-экономическими приемами.

В ходе кризиса 2008-2009 гг. мировое производство сократилось на 4%, мировая торговля и международные грузоперевозки – почти на 5%, финансовая система двадцати ведущих стран (G20) списала более 3 трлн долл. долгов, на финансовые стимулы потрачено 2,2 трлн долл., капитализация предприятий сократилась на 40 трлн долл. (март 2009 г. – низшая точка биржевой активности), цены на фондовых биржах упали на 40-70% (март 2009 г.), в США стоимость недвижимости сократилась на четверть, цена нефти упала почти в 4 раза (с 154 долл. за баррель легкой нефти летом 2008 г. до 37 долл. в марте 2009 г.), безработица в США возросла до 10%, а в большинстве других стран превысила 5% [2].

Представлены отдельные цифры, свидетельствующие о негативных результатах и некоторых последствиях кризиса и наращивании проблем, решение которых переносится на будущие поколения. Но ни один набор показателей не в состоянии передать полное значение кризиса в нашей жизни. Беспрецедентный его характер разве что сравним со своеобразной всеобщей войной, развернувшейся в хозяйстве, сознании, человеческих отношениях, в ходе которой разрушались привычные хозяйственные уклады, государственные нормы и бытовые представления. В результате нарушены сложившиеся понятия и взгляды, произошла резкая смена поведения, переориентировались интересы и мотивы практически всех людей, а также банков, компаний, государств. Тем самым приведены в движение целые пласты общества, происходит переоценка привычных представлений и

жизненных укладов. Кризис затронул, прежде всего, людей, изменил их поведение и сознание. Не оставил он в стороне экономические и материальные процессы.

Фондовый рынок достаточно быстро вернул утраченную в ходе кризиса капитализацию, ценовые показатели нефти и сырья выросли, повысилась ликвидность финансового рынка, банки перешли к рентабельной работе и приступили к кредитованию хозяйства и населения. Однако главным и наиболее болезненным был переход к доверию. В 2011 г. проблема недоверия переросла с частнокапиталистического уровня на государственный и межгосударственный уровень.

Поскольку в основе современного кризиса находятся провалы финансового рынка, постольку повышенное внимание уделяется нарушениям его функционирования. Небывалый рост транснациональных банков, глобализация финансовых рынков и вплетение населения в паутину кредитной зависимости выдвинули на авансцену вопросы кредитной, финансовой и биржевой культуры [3]. Ее кризис неожиданно захватил всех врасплох и определил сдвиги в социально-культурной, а вслед за ней и хозяйственной среде, вызвал неизбежность преобразований мировой финансовой системы [4].

Восстановление доверия долгий и нередко мучительный процесс. Он сопряжен с преодолением предубеждений и перестройкой многих институтов, которые стояли на страже старых представлений. В хозяйстве его реализацией занимались в основном такие учреждения как банки и биржи, для этого использовались следующие основные инструменты – деньги, векселя, акции, облигации. Во время кризиса финансовая состоятельность основных институтов и инструментов поставлена под сомнение. Для их оздоровления всеми осознана необходимость преобразований не только финансовых устройств, но и культурно-хозяйственных основ общества.

Кризисы и любые отклонения в повседневной хозяйственной жизни внесли большой вклад в экономическую науку, чем обыденная экономическая жизнь; оказали они неизгладимое воздействие и на экономическую политику, государственные связи, корпоративное управление и, конечно, на быт, повседневную жизнь [с. 15, 1]. Но кризис кризису рознь. За всю их историю не так много было таких, которые вызвали преобразования всей общественной системы, настоятельно требовали разработки новых подходов их осмысления, перестройки государственной политики и хозяйственных связей. Именно таким стал современный финансовый кризис.

Современный кризис подвел своеобразный итог целому ряду преобразований: завершена начальная стадия глобализации, сформирован единый мировой рынок, установлено господство транснационального банковского капитала, закреплён приоритет финансового капитала над промышленным. Одновременно он разрешил противоречия, выступающие тормозом преобразований, и предоставил возможности для развертывания

новых тенденций, зародившихся в ходе глобализации, рыночных реформ и межгосударственной кооперации.

В ходе подготовки кризиса наметились подвижки в мейнстриме экономической мысли по вопросам циклов. Произошел переход от безусловного господства двух внешне различных, но ставших классическими школами, определяющими направления выхода из кризиса (рыночной и государственной), к неоклассическим и поведенческим теориям, а также теориям, представляющим собой определенный микст рынка и государственного регулирования. Такой переход свидетельствует о попытках ученых учитывать изменения в хозяйстве и использовать накопленные знания разными школами. Произошла трансформация взглядов по вопросу истоков кризиса. Приоритет обращения над производством, господствовавший в среде меркантилистов, марксисты поставили под сомнение, и обосновали ведущую роль циклического развития промышленности в периодических промышленных кризисах перепроизводства. В конце прошлого и в новом веке экономисты склонны выводит кризисы из критических дисбалансов в финансовой сфере.

В 2006 г. в Давосе на Мировом экономическом форуме Президент Гарвардского университета Ларри Саммерс выдвинул идею о третьей экономической волне в человеческой истории [с. 242, 2]. Первая волна связана с ренессансом, а вторая – промышленной революцией. Новая экономическая волна не разовый акт, а сложный и длительный процесс. Она будет сопровождаться революционными технологическими, экономическими и социально-культурными прорывами. Современный экономический кризис послужит отправной точкой не просто для переосмыслений экономической наукой возможностей и пределов экономической политики и экономического роста, но и для перехода к новому этапу развития цивилизации. Другой важный вывод, который предложен, исходя из перехода человечества в новый цикл, заключается в том, что все необходимо рассматривать с позиции волнообразного развития, с учетом подъемов и спадов.

Кризис подготовил условия для целого ряда перестроек как краткосрочного, так и долгосрочного плана – отраслевых и общеэкономических, страноведческих, региональных и мирохозяйственных, экономических и хозяйственно-культурных, а также информационных и технологических.

Основной удар пришелся на финансовую сферу и именно в ней наметились наиболее важные преобразования:

- реформирование финансов в направлении дальнейшей универсализации, глобализации, изменения структуры и организационных форм;
- переход к универсальным учетным и финансовым стандартам. В 2009 г. в 20 из 27 стран, наметивших переход к новым стандартам, были завершены необходимые изменения, к 2012 г. к новым стандартам перешли еще 2 страны. Данный переход повысит уровень достоверности финансовой информации, позволит проводить ее сравнительный анализ и мониторинг,

а также перейти от последующего контроля к системе выявления и предупреждения кризисных тенденций;

- переориентация интересов центральных банков. Намечен переход от решения чисто монетарных задач – удержание инфляции в определенных рамках (таргетирование (target) инфляции) к общеэкономическим – оздоровлению финансового климата и хозяйства. В отличие от ценовой устойчивости (приоритетной задачи предыдущего этапа), которую достаточно легко измерить, новые задачи – финансовая стабильность и устойчивость – трудно оценить;
- изменение регулирования инвестиционно-фондовой деятельности. Намечен переход к переводу этой деятельности от специализированных организаций к единым государственным финансово-кредитным учреждениям;
- переход к регулированию рынка производных и секьюритизированных долговых обязательств и низколиквидных активов (прежде всего, свопов, деривативов и специализированных облигаций);
- регулирование ипотечного кредитования, создания системы поддержки кризисных ипотечных кредитов и повышения их качества.

Денежный режим, унаследованный большинством стран, основан на бумажных деньгах, банковских депозитах, конвертируемых в бумажные деньги, и электронных факсимильных переводах денежных средств. Якорным условием денежных систем является их базирование на кредитоспособности центральных банков. Предыдущая система строилась на уникальных товарных свойствах золота (до этого серебра, при биметаллизме – золота и серебра). Она была заменена в 1970-х годах в силу того, что больше не отвечала нововведениям финансового рынка. Современная система также как и сорок лет назад предыдущая вошла в противоречие между своими возможностями и повышенной инновационностью финансового рынка. Однако, по-видимому, еще не наступил кульминационный момент (не созрели все условия), который предопределяет неизбежность замены действующей системы новой. Тем не менее, кризис наглядно продемонстрировал неспособность старой системы справляться с современными нагрузками, связанными с виртуализацией рынка, возросшим уровнем его фиктивности, новыми (прежде всего, деривативными) инструментами и масштабами глобализации.

Кризис сделал своеобразный вызов центральным банкам, к оценке их места и роли в рыночной системе. До падения культивировался миф о свободе центральных банков, которая необходима для того, чтобы избежать конъюнктурные давления со стороны политиков. Деятельность банков должна определять долгосрочная стратегия, строящаяся на поддержании стабильных денег и минимизации. Инфляции. Всеобщая вера в независимость центральных банков была подвергнута сомнению. Выдвигались предложения по усилению государственного регулирования их деятельности. Для опровержения положений отменяющих традиционную независимость центральных банков ряд экономистов проанализировал

деятельность Центрального банка Англии, начиная с момента его учреждения – 1694 г. и ФРС – с 1913 г. В результате было установлено, что традиционная независимость центральных банков более благоприятно сказывается как на денежно-кредитной системе (основанной на золотом стандарте и современной), так и всей экономике [5].

В ходе кризиса выкристаллизовались важные проблемы, которые будут определять следующий мировой экономический цикл.

В целом преодолено действие господствующей в последние два десятилетия тенденции дерегулирования хозяйства. Особая глубина кризиса вызвана тем, что за правовое поле надзорных органов вышли новые рынки и инструменты, в частности деривативы, предкризисный объем которых по разным оценкам составил 160-590 трлн долл. Однако кризис не вызвал простого восстановления системы жесткого государственного регулирования, определявшего состояния финансового рынка в течении нескольких десятилетий после Великого экономического кризиса. Новая система основана как на реализации новых информационных и глобальных технологий и возможностей, так и более четких, широких и тонких взаимодействиях рынка и государства. Причем, данные взаимодействия происходят как на национальном, так и международном уровнях.

Несмотря на осознание необходимости создания новой системы ее возможности не столь очевидны. Так, одним из излюбленных приемов стимулирования роста и сдерживания инфляции являются низкие процентные ставки. Однако в ходе современного кризиса они исчерпали себя как инструменты, способные ускорить рост [6].

Преодолена иллюзия о возможном устранении риска посредством, во-первых, перевода малоликвидных активов в сверхликвидные новые рыночные инструменты, во-вторых, глобализации рынка, в-третьих, диверсификации и деятельности транснациональных корпораций.

Поменялось отношение к малым и крупным предприятиям. Всеобщая эйфория по поводу возможностей и перспектив малых предприятий, в том числе в финансовой сфере, уступила место сдержанному отношению к ним и переориентации основного интереса к крупным корпорациям. Укреплено действие тенденции к симбиозу малого и крупного бизнеса как в реальном, так и финансовом секторах.

Поставлен вопрос об изменении соотношения между финансовым и промышленно-торговым рынками в пользу второго. Однако, по мере выхода, из кризиса данный вопрос так и не был решен и произошел возврат к приоритетному развитию финансовой сферы.

Резкие контрасты между обсуждаемыми перспективами и реальными позициями расчетной и резервной основных валют. Золотовалютные запасы Китая приблизились к 3 трлн долл. Юань вышел на внешние рынки [7]: облигации МВФ на 20 млрд долл. были приобретены за юань; на Гонконгской и вслед за ним и Шанхайской фондовых биржах налажена торговля иностранными ценными бумагами за юани; юанями стали расплачиваться с постоянными зарубежными поставщиками и юани стали

инвестировать в разработку природных ископаемых и туризма в Африке, сельскохозяйственное производство ряда латиноамериканских стран, горнодобывающую промышленность Австралии. Тем не менее, согласно заявлению Президента Китая, доллар в обозримом будущем сохранит свои лидирующие позиции. Однако позиции валюты страны окрепнут: по отдельным оценкам, юань перейдет к опосредованию до 20% мировой торговли (в ближайшем десятилетии двухсторонняя торговля на 40% перейдет на обслуживание национальной валюты; в настоящее время практически все внешнеторговые сделки осуществляются в долларах США – 2,56 трлн долл. за 2008 г.). В 2010 г. около 1% товарооборота между Китаем и Россией происходило в национальных валютах, а остальной в долларах [8].

Несмотря на крепнувший юань, сохраняется система двух основных расчетных валют: доллар и евро. Расчетные и резервные позиции Английского фунта стерлингов, Японской йены и Швейцарского франка в совокупности занимают не более 10% общемировых расчетно-резервных потребностей; юаня же только приступил к завоеванию своего места и достаточно далек до момента утверждения его на ведущих позициях в международных расчетных и резервных активах.

Что касается международных инвестиций и кредита, то их международное движение происходит преимущественно в долларах. Причем позиции доллара при обслуживании международной деятельности банков и бирж, а также инвесторов более существенны, чем в товарно-расчетных и валютно-резервных сферах.

Хозяйство, включая его финансовую часть, весьма инертно, что напрямую связано с принципом самосохранения (механизмами выживания, стабильности и устойчивости). Что, однако, не означает его пассивности и бездеятельности. Наиболее активной и подвижной хозяйственной сферой является финансовая. Ее инструменты не имеют предметной и территориальной закреплённости, и поэтому легко перемещаются между предприятиями, отраслями, странами и людьми. Финансовый капитал энергичен и демонстрирует чудеса самонастройки, что не означает отмены общего принципа – инертности. Выделяются следующие явления и процессы, свидетельствующие об относительной пассивности современной мировой экономики: во-первых, несмотря на подрыв доверия к доллару, позиции последнего в ближайшей перспективе сохраняются. Более того, не ослабляется экономическая целесообразность для всех стран поддерживать доллар на позициях основной резервной и расчетной валюты; во-вторых, несмотря на широко обсуждаемые предложения по изменению архитектуры финансового рынка и замене основных институтов на новые, не только остаются неизменными уже известные ведущие международные валютно-финансовые организации, но и возрастает их значение; в-третьих, закачка в экономику денег сохраняется как приоритетное направление повышения ликвидности и стимулирования экономического роста; в-четвертых, новые финансовые инструменты, которые во многом стали причиной экономического кризиса 2008 г., сохраняют свое значение в механизмах

обеспечивающих ликвидность и экономический рост и, следовательно, будут ответственны за последующий подъем.

В ходе кризиса выделились центральные звенья преобразований, необходимых для скачка от финансового хаоса к финансовому порядку. Многие из них внешне кажутся чисто бюрократическими и рутинными мероприятиями. В частности, переход к международной координации деятельности национальных регулирующих органов; внедрение унифицированных финансовых стандартов учета и отчетности (в этой связи происходит дальнейшее повышение значения деятельности Банка международных расчетов и Базелевских комиссий); создание постоянно действующих международных надзорных институтов (и повышение значения действующих: Мирового банка, Международного валютного фонда, Банка международных расчетов); сосредоточение надзорной деятельности в одном органе (ранее рассредоточенной между центральными банками, комиссиями по ценным бумагам, товарным и фьючерсным биржам, корпорациям по страхованию депозитов и т.п.); переход к более жесткому регулированию внебиржевых операций и оборота финансовых инструментов.

Появились и новые региональные звенья – в июне 2010 г. был учрежден Европейский фонд финансовой стабильности (European Financial Stability Facility (EFSF) с размерами 440 млрд евро для оказания помощи странам – членам еврозоны. В начале 2012 года он был увеличен почти в два раза.

В основе изменений в подходах к управлению кризисными процессами находится смена координат в полярных системах «риск–доход» и «инновационность-консерватизм»; все чаще выбор делался в пользу понижения дохода с целью сокращения риска за счет усиления и расширения консерватизма.

Если сравнить два кризиса – Великую депрессию 1929-1933 гг. и Мировой финансовый кризис 2008-2012 гг., то невольно приходит на ум мысль: могут ли повториться кризисы подобные этим двум, и насколько они похожи друг на друга? Прежде всего, важно вспомнить и сопоставить масштабы кризисных потрясений. В течении трех лет Великой депрессии ВВП ведущих стран сократился на 25%, современный финансовый кризис показал падение мирового валового продукта на 4%; семьдесят лет назад четверть взрослого населения осталось без работы, сейчас – не более 10%, потребительские цены сократились на треть, сейчас они уменьшились только в некоторых странах и то лишь на 3-5-8%. Банковский кредит в США сократился на 40%, а во многих странах банковская система полностью разрушилась; в ходе современного кризиса сокращение банковского кредита в США составило 15-20%, а в других странах и того меньше, а число разорившихся банков было незначительным. Тогда большинство Центрально- и Восточно-европейских, а также и развивающихся стран-заемщиков пережило дефолт; в ходе современного кризиса вплотную к дефолту подошел ряд европейских государств, но ни одно из них не перешло черту финансовой несостоятельности. В целом ряде случаев международная

помощь удержала страны от дефолта и вернула их в сообщество суверенных заемщиков. Во время Великой депрессии произошел не только кризис ипотечного кредитования, поразивший американские банки, и перебросившийся по кредитно-расчетной цепочке в Европу, Латинскую Америку, Канаду, Японию, затронув и страны Азии и Африки, а также Австралию. Вслед за США последовала целая серия различных кризисов в Старом Свете. Они молниеносно переместились через Атлантику, усугубили финансовые проблемы и увеличили потери. Усиленные потрясения в Новом Свете, кризисы вернулись обратно, посеяв панику в Европу и ввергли ее в беспрецедентные социальные катаклизмы, вызвали приступ национал-шовинизма и фашизма, противопоставивших себя наступающему коммунизму.

Многое было достигнуто до кризиса [с. 131-149, 3]. В частности, разработаны три базовых элемента, которые служат основанием для перехода к новому уровню поддержки мировой финансовой стабильности: унифицирован банковский учет, стандартизирована финансовая отчетность, разработаны механизмы сбора и распределения финансовой информации. Для антициклического управления и перехода к новому финансовому порядку приняты четыре стандартных допущения. Они выглядели следующим образом: показатели, необходимые для управления финансовой системой, заданы; способы их расчета определены; механизмы распространения информации разработаны; органы сбора информации и надзора за финансовой системой установлены. Следующая группа допущений – общего порядка: поддержка баланса в соотношении рыночных и государственных сил; повышение уровня международной координации, подготовка перехода к совместным действиям национальных надзорных органов; расширение функций и повышение значения международных органов типа МВФ, МБ, МБР. Возможно, что величайшими задачами выхода из кризиса и становления надежной системы антициклического управления является решение триединой хозяйственной формулы, включающей преодоление неопределенности, переход к прозрачности рынка, восстановление и поддержание на высоком уровне доверия. Финансовая нестабильность связана с хаосом, переход к стабильности – с четкостью, прозрачностью и ясностью рынка, а в основе финансового порядка находятся доверие и устойчивая работа финансовых институтов.

До недавнего времени профессия экономиста подразумевала преимущественно изучение производства и распределения и ту или иную интерпретацию экономических данных. Кризис высветил новую тенденцию, которая до этого существовала подспудно, наряду с другими вторичными и не основными. Чисто внешне все выглядело так, будто ремесло экономиста стало достоянием каждого горожанина – делай макроэкономику сам – популярный тезис и одна из ведущих инноваций современности относятся к числу достижений современного кризиса. Обилие экономических данных, которые легко доступны через интернет, различные точки зрения, комментарии и экономические блоги в купе с достаточной открытостью

центральных банков, финансовых органов, международных денежно-финансовых организаций, банков, бирж – все это позволяет «демократизировать» экономикс, превратить его из достаточно узкого предмета специалистов в доступные для широкой общественности знания. Возможно, одним из главных итогов современного кризиса как раз и является переход на новый уровень требований и знаний экономической науки в целом.

Список литературы:

1. Ключников И.К., Молчанова О.А., Ключников О.И., Ключникова Н.В. Теория экономических кризисов. – СПб: СПбГУЭФ. – 2009. – 179 С.
2. Ключников И.К., Молчанова О.А. Финансовые кризисы: теория, история и современность. – СПб: СПбГУЭФ. – 2011. – 238 С.
3. Ключников О.А. Транснациональные банки в глобальной экономике. – СПб: СПбГУЭФ. – 2009. – 191 С.
4. Ключников И.К., Молчанова О.А. Кредитная культура: сущность, закономерности, формы. – СПб: СПбГУЭФ. – 2011. – 221 С.
5. Bordo M. D. Central Bank Independence and Financial Crises in History. Rutgers University. Prepared for the Austrian National Bank 38th Economic Conference “Central Banking after the Crisis: Responsibilities, Strategies, Instruments”. – Vienna: Austrian National Bank. - 31 May 2010. – P. 27-39.
6. Busily going nowhere. Low interest rates have been a mixed blessing for equities // The Economist. - Sep 23rd 2010.
7. China grapples with a huge potential export: its currency. // The Economist. - September 23rd 2010. – P. 36-41.
8. The Yuan goes global. A Mao in every pocket // The Economist. - September 28th 2010. – P. 21-33.
9. do-it-yourself macroeconomics (New York Times. - 11 April 2011).